

С. С. Зозуля

РАСКОПКИ Т. АРНЕ В МИХАЙЛОВСКОМ В 1913 г.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раскопкам известного шведского археолога Туре Арне некрополя Михайловского археологического комплекса в 1913 г. (Ярославская область). Арне исследовал 18 насыпей, содержащих погребения по обряду кремации и ингумации. Большинство захоронений оказалось малоинвентарными. Исключением стала насыпь под № 18. Полноценный анализ материалов раскопок Т. Арне оказался невозможен без изучения материалов его личного архива, рукописи отчета и личной переписки. Привлечение отчета о раскопках позволило уточнить методические вопросы проведения исследований, выявить особенности каждого захоронения, не всегда в полной мере отраженные в публикации. Личная переписка характеризует историю формирования коллекции, становятся очевидны время и причины утраты части находок. Материалы личного архива содержат фотографии раскопок могильника и бытовые зарисовки из жизни села Михайловское. Кроме того, были выявлены и публикуются чертежи, не вошедшие в работу 1918 г. Бесспорно, ценным источником является дневник Т. Арне, содержащий сведения об обстоятельствах проведения работ 1913 г. Исследователь довольно саркастично описывает путешествие из Москвы в Ярославль и обратно, проживание у священника Н. А. Виноградова и местную публику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнерусская археология, Туре Арне, Михайловский археологический комплекс, варяжский вопрос

УДК 904(470.316)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1-205-228

ЗОЗУЛЯ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ — м.н.с. отдела археологических памятников, Государственный исторический музей (Россия, Москва)

E-mail: zozulia.sergey@gmail.com

Туре Алгот Енссон Арне (1879–1965) — крупнейший шведский археолог, историк, общественный деятель, сотрудник Исторического музея в Стокгольме более чем с 40-летним стажем. В историю археологии, в том числе отечественной, Т. Арне вошел как автор около 400 работ и один из активнейших сторонников «норманнской теории», что, в свою очередь, привело к долгой дискуссии с крупнейшими советскими исследователями (Arne 1914; 1952; Avdusin 1969; Авдусин 1949; 1953; 1982; Арциховский 1966; Граков 1947; Клейн 2009: 36–40).

Область интересов Т. Арне была связана с Россией. В 1911 г. он участвует в XV Археологическом съезде в Новгороде¹, где выступает с докладом о контактах между Швецией и Россией в эпоху викингов по данным археологии (Известия XV Археологического съезда... 1911: 71–72), участвует в конференции в Керчи в 1926 г., вновь приезжает в СССР в 1928, 1929 и 1935 гг. Стоит отметить, что связь Т. Арне с Россией не ограничивалась вопросами археологии. Например, в 1916 г. по линии Красного креста он посещал лагеря русских военнопленных в Австрии, Германии и Венгрии, в 1920–1930 гг. был председателем шведско-русского общества. Жизненный и научный путь Т. Арне, его отношение с Российской империей и СССР прекрасно описаны в статьях А. Н. Кирпичникова, Г. М. Коваленко и ряда зарубежных коллег (Кирпичников 1969; Коваленко 1999).

Перед тем как обратиться к основной теме статьи, необходимо кратко описать сам памятник и результаты его многолетних исследований. Археологический комплекс в Михайловском состоял из курганного могильника, насчитывающего около 400 насыпей, располагавшихся на площади примерно 2 гектара, и примыкающему к нему с северо-запада селищу размером 2,9 гектара. Раскопок на селище не проводилось, исследователи ограничивались в публикациях констатацией его существования, известно небольшое количество подъемного материала, собранного в 1984 и 1993 гг.² (Археологическая карта России 2005: 92, 275–276; Седых, Зозуля 2015). С 1896 по 1961 г. исследовано 179 насыпей. Тем не менее невозможно категорически исключать вероятность существования курганов, раскопанных дважды несколькими исследователями.

Летом 1960 г. к работам в Михайловском могильнике приступила экспедиция Исторического музея³. В последующей публикации отмечено аварийное состояние памятника, следы предыдущих раскопок на большинстве сохранившихся насыпей. В монографии 1963 г. содержится два плана. Первый из них фиксирует состояние могильника в 1960 г. с указанием 44 раскопанных в 1961 г. насыпей, относительно не поврежденных прежними раскопками и сооружениями хозяйственных построек совхоза, на территории которого располагалась курганная группа. Второй, вероятно, является компиляцией данных о месте расположения курганов, исследованных в предыдущие годы. План основывается на глазомерных зарисовках некрополя, на которых обозначены исследованные в разные годы погребения, составленные И. А. Тихомировым, Т. Арне, Я. В. Станкевич и обобщенные последней (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1898. Д. 187. Л. 83; Arne 1918: 33, fig. 2; Станкевич 1941: 61, рис. 1). Авторы публикации 1963 г. отмечали, что план местности настолько изменился, что совместить два плана попросту невозможно (Ярославское Поволжье... 1963: 24–26, рис. 13–14). В настоящий момент территория могильника застроена, памятник уничтожен (Археологическая карта России 2005: 275–276), поэтому вопрос соотношения расположения курганов, раскопанных в разные годы, остается болезненно неразрешенным. Исследовав 44 насыпи в 1961 г., коллектив экспедиции Исторического музея и вовсе признает памятник более непригодным для археологического

¹ В том же году Т. Арне был избран членом Новгородского общества любителей древностей.

² В 2017 г. Ярославский отряд Средневековой археологической экспедиции Исторического музея под руководством автора статьи приступил к обследованию сохранившейся части поселения Михайловского археологического комплекса.

³ Работы вела Н. Г. Недошивина, руководитель экспедиции М. В. Фехнер.

изучения (Ярославское Поволжье... 1963: 24). Несмотря на вышесказанное, материалы из курганов Михайловского можно считать относительно достоверной выборкой погребений, все исследователи старались не изучать насыпи, носящие следы предыдущих раскопок.

Для темы нашей статьи важна 15-месячная поездка Т. Арне в Россию в 1912–1913 гг., в ходе которой ему удалось посетить музеи и археологические памятники в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани и Ярославле.

Интерес Т. Арне к Ярославскому региону в эпоху викингов вполне понятен: именно Волжский, а не Днепровский торговый путь он упоминал как более важный для шведских купцов (Известия XV Археологического съезда... 1911: 72). Очевидно, Т. Арне внимательно следил за публикациями⁴, посвященными раскопкам в Михайловском, и, судя по его фотоархиву, интересовался находками из Большого Тимерева и Михайловского, с которыми лично ознакомился в собрании Ярославского древлехранилища и Исторического музея в Москве⁵. Не остался незамеченным широкой общественностью и приезд исследователя в Ярославль (Приезд шведского ученого 1913).

Материалы из Михайловского заинтересовали ученого, он обратился к профессору В. В. Радлову, директору Музея антропологии и этнографии (МАЭ), который получил Открытый лист и командировал Т. Арне от музея в Ярославскую губернию 12–17 августа 1913 г. Т. Арне исследовал 18 курганов в Михайловском. Материалы, полученные в ходе раскопок, поступили в 1915 г. в фонды МАЭ вместе с описью находок, схематичным планом могильника, планами погребений и отчетом о раскопках⁶. Отчет и дневник стали основой достаточно подробной публикации, вышедшей в 1918 г., снабженной фотографиями рабочих моментов раскопок, фотографиями и рисунками инвентаря погребений, отдельными планами и профилями курганов (рис. 1–3) (Arne 1914)⁷.

Дискуссионной остается методика раскопок Т. Арне. Судя по чертежам, он исследовал насыпи курганов «на снос», что является прогрессивной методикой для начала XX в. На опубликованных и хранящихся в архиве фотографиях все курганы изображены до проведения работ. Наличие или отсутствие ровиков, их размеры, глубина и конфигурация не учитывались автором раскопок.

Материалы, полученные Т. Арне, практически сразу привлекли внимание исследователей. Д. Н. Эдинг тезисно переводит статью о раскопках в Михайловском, видимо, готовясь к собственным раскопкам здесь в 1921 г. или анализируя уже полученные результаты (Эдинг: Л. 40–55). В публикации Я. В. Станкевич присутствуют прямые цитаты из работы Т. Арне (причем не совпадающие ни с текстом его отчета, ни с переводом Д. Н. Эдинга) (Станкевич 1941: 57). Очевидно, аналогичную трудоемкую работу по переводу текста статьи предпринял и коллектив Исторического музея⁸ (Ярославское Поволжье... 1963: 26, 137–138).

Кратко результаты исследований Т. Арне можно изложить в таблице (планы погребений и отдельные разрезы курганов представлены на рис. 2–5⁹; табл. 1).

⁴ Т. Арне владел несколькими языками — русским, финским, венгерским, отчасти персидским и китайским.

⁵ Здесь и далее ссылки на статью Т. Арне, перевод которой дан в приложении. Т. Арне демонстрирует прекрасное знание истории исследования и историографии, посвященной Михайловскому некрополю. Фотографии находок из Тимерева и Михайловского хранятся в личном архиве Т. Арне: Antikvarisk-topografiska arkivet (далее АТА), Т. J. Arne arkiv, bilder Russland. Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую благодарность Ингмару Янссону за неоценимую помощь и знакомство с личным архивом Т. Арне.

⁶ Все эти материалы приобщены к описи № 2693 отдела археологии МАЭ РАН. За возможность работать с документацией и самой коллекцией приношу глубочайшую благодарность С. В. Бельскому. Копия всех материалов также хранится в личном архиве Т. Арне: АТА, Т. J. Arne arkiv, F5, vol. 27. Ark 1, s. 1–4, Ark 2, s. 1–4, Ark 3, s. 1–4.

⁷ Подборка журнала “Fornvannen” за 1906–2017 гг. выложена в свободный доступ правообладателями. URL: http://samla.raa.se/xmlui/bitstream/handle/raa/675/1918_031.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 08.01.2019).

⁸ На это указывает ряд неточностей при переводе. В целом авторы знали о нахождении материалов раскопок Т. Арне в Музее антропологии и этнографии, но что-то помешало ознакомиться с ними.

⁹ Оригиналы чертежей, хранящиеся в личном архиве Т. Арне (АТА, Т. J. Arne arkiv, F5 vol. 27), переделаны с помощью программы CorelDraw X6 и приведены к стилистике, близкой публикации 1918 г.

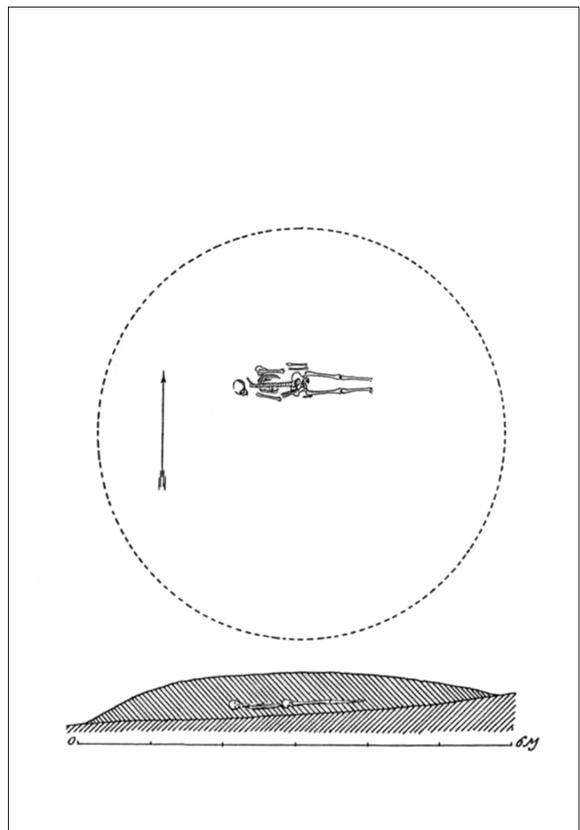
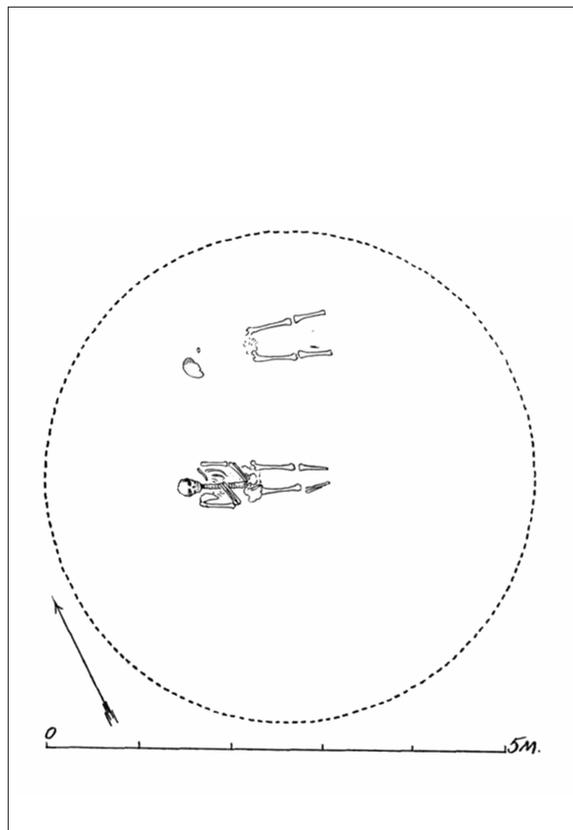
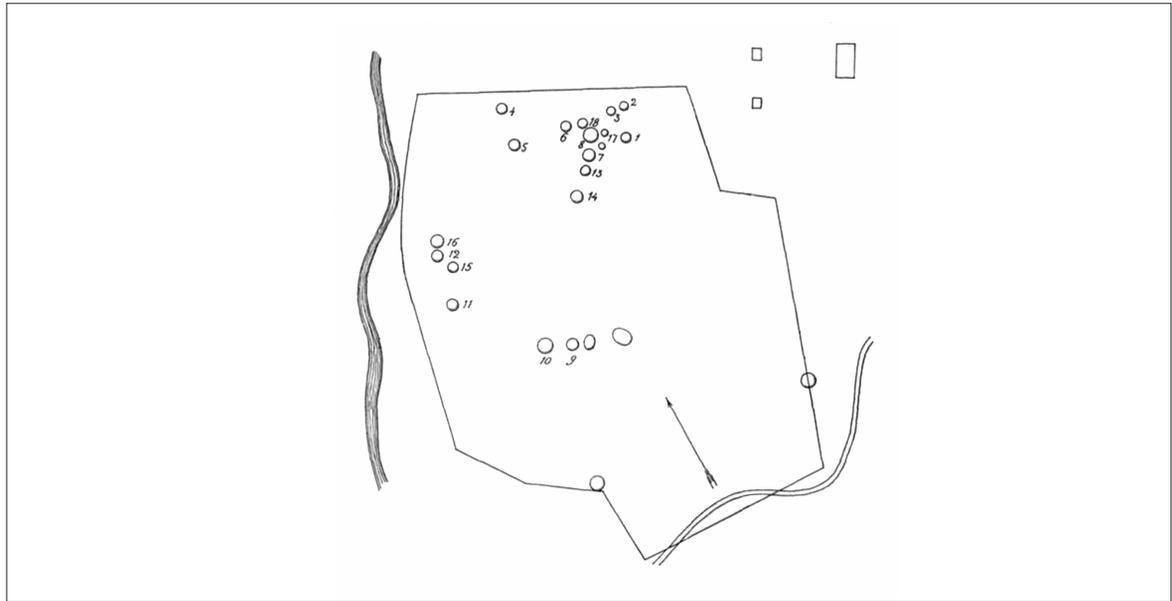

Рис. 1. План расположения курганов, исследованных Т. Арне в Михайловском могильнике в 1913 г.
(Дано по: Арне 1918 : Fig 2)

Рис. 2. План погребений в кургане 2 (Дано по: Арне 1918: Fig 3)

Рис. 3. План погребения и профиль кургана 12 (Дано по: Арне 1918: Fig 17)

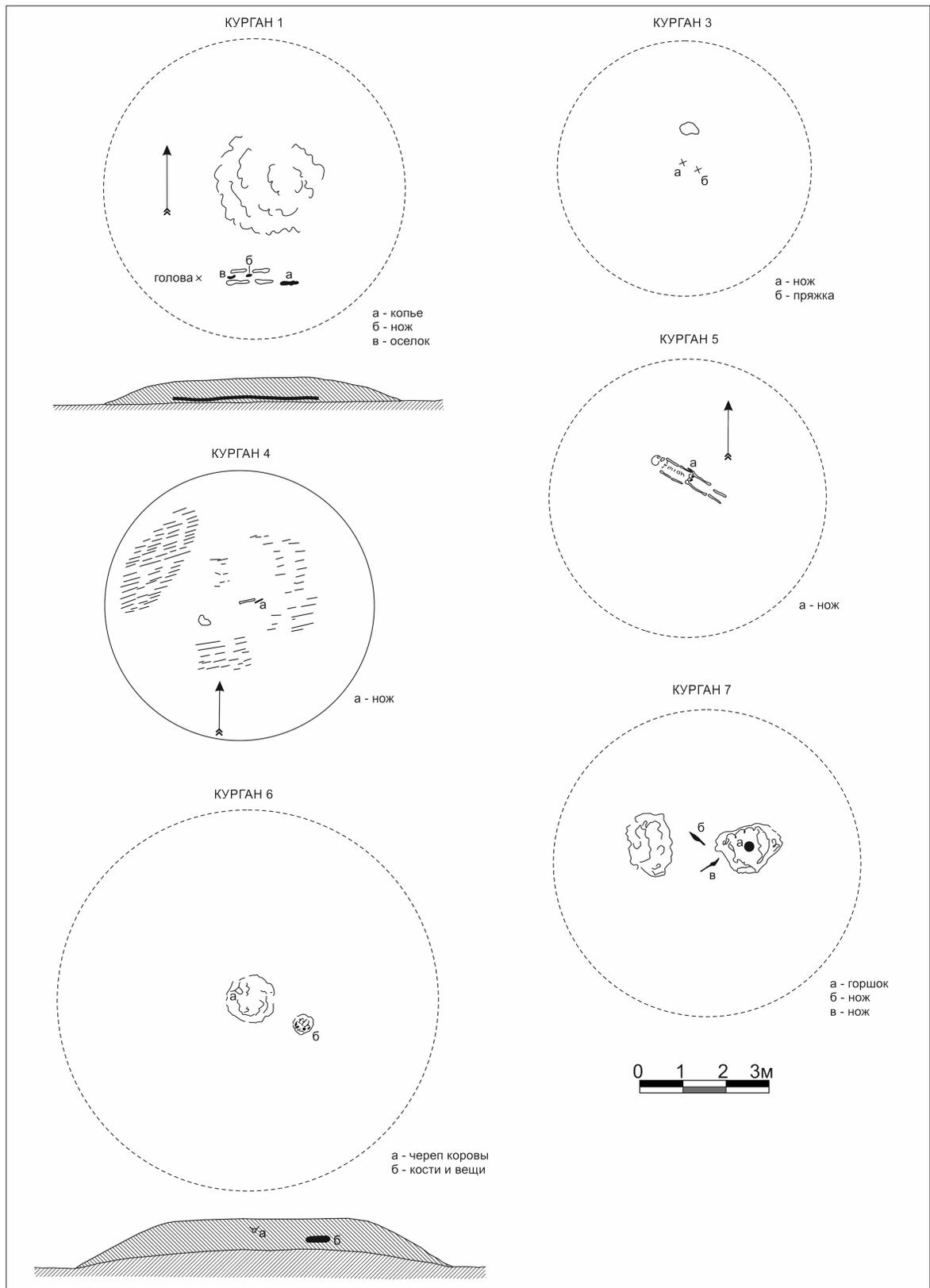

Рис. 4. Планы погребений и профили курганов 1, 2, 4-7

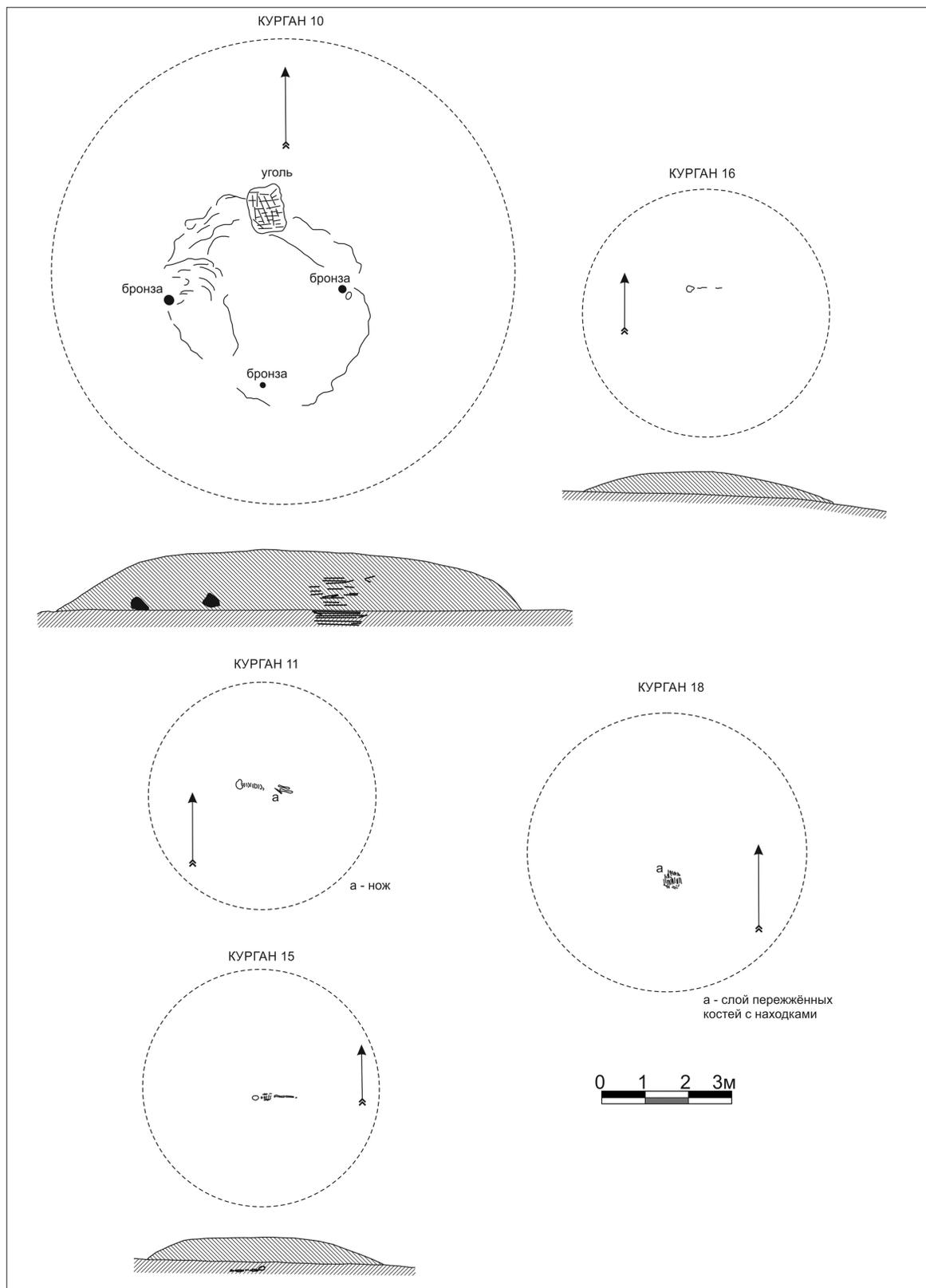

Рис. 5. Планы погребений и профили курганов 10, 11, 15, 16, 18

Описание курганов, исследованных Т. Арне

№ кургана	Размер кургана, в м	Нарушения	Погребение	Кол-во погребений	Пол	Ориентир.	Инв.
1	7,25×0,54	—	ТП	1	М	3	+
2	5,4×0,43	+	ТП	2	М+?	3-С-3	+
3	6,2×0,25–0,3	+	ТП	1	Р (М?)	3?	+
4	6,1×0,44	—	ТП	1	Ж	3	+
5	6,45×0,4	+	ТП	1	М	3-С-3	+
6	9×1,1	+	ТСС	1	М	—	+
7	7×0,5	—	ТСС	1	М?	—	+
8	Очень большой, высота не менее 2 м	+	ТСС	1	—	—	+
9	8×0,73	—	ТСМ	1	—	—	—
10	10,5×1,3	—	ТСМ	1	Ж	—	+
11	5,3×0,6	—	ТП	1	М?	3	+
12	5,6×0,7	—	ТП	1	М?	3	+
13	?	+	—	—	—	—	—
14	5,3×?	—	ТП?	—	—	—	—
15	6,4×0,5	—	ТП	1	—	3	—
16	5,8×0,36	—	ТП	1	Р	3	—
17	5,3×0,2	+	—	—	—	—	—
18	6,4×0,43	—	ТСМ	1	М	—	+

Номер кургана соответствует описанию Т. Арне; в графе «Размер кургана» величины даны в метрах, сначала диаметр, затем высота; нарушения характеризуются наличием (+) или отсутствием (—); в столбце «Погребение»: ТСМ — трупосожжение на месте, ТСС — трупосожжение на стороне, ТП — труположение; графа «Количество» определяет количество захороненных индивидов в кургане; для столбца «Пол» приняты сокращения: М — мужчина, Ж — женщина, Р — ребенок; «Ориентировка» дана для труположений, стороны света сокращены до первых букв; «Инвентарь» характеризуется его наличием (+) или отсутствием (—).

Размеры большинства курганов колеблются в пределах 5,3–7,25 м в диаметре при высоте 0,43–0,7 м, то есть в целом совпадают со средним диапазоном размеров насыпей, выделенным для Михайловского некрополя (диаметр 6–8 м при высоте 0,5–0,8 м) (Ярославское Поволжье... 1963: 27). На фоне большинства курганов выделяются размером погребальные конструкции 9 и 10, впрочем, в Михайловском присутствовали и более крупные насыпи. Видимо, к одному из самых крупных курганов могильника относилась насыпь 8. При ее характеристике указана только высота — не менее 2 м, а аномальный размер отдельно оговорен Т. Арне¹⁰. Общие пропорции курганов нарушаются небольшой высотой насыпей 3 (0,23–0,3 м), 16 (0,36 м) и особенно 17 (0,2 м). Для части насыпей неизвестен один из параметров (курганы 8, 14) или сразу оба (курган 13)¹¹.

Во всех случаях, когда определяется грунт насыпи кургана, это песок. Т. Арне указывал, что в насыпи 1 встречались камни со следами термического воздействия, в насыпи 2 фиксировалась примесь «пахотного слоя», в насыпи 4 выявлен слой с включением угля, мелких камней,

¹⁰ В материалах Т. Арне есть принципиальное расхождение. В статье указан размер насыпи, превышающий 2 м. В отчете — 1 м. Отсутствие чертежа не позволяет выявить ошибку, однако указание на очень большой размер насыпи склоняет нас в сторону определения размера кургана в большую сторону.

¹¹ В личном архиве Т. Арне отсутствуют чертежи курганов 8, 9, 13 и 14, поэтому восстановить утраченные данные невозможно.

фрагментов керамики, жженные кости и нежженные кости животных мощностью местами до 0,5 м (!), в кургане 12 часть насыпи составляла гумусированная супесь с включением угля, умерший в погребении 15 был уложен на слой «черной земли с примесью угля». Эти данные указывают на то, что курганы 1, 2, 4 и 12 сложены из культурного слоя (в той или иной степени), а под насыпью 15 он был выявлен относительно не потревоженным. Расположение насыпей 1, 2, 4, 12 и 15¹² хорошо согласуется с выводами Я. В. Станкевич и Н. Г. Недошивиной, столкнувшись с подстилающим курганы культурным слоем в западной и северо-западной части могильника. И. А. Тихомиров объяснял эту аномалию лесными пожарами, В. А. Городцов — естественным происхождением (Станкевич 1941: 83; Ярославское Поволжье... 1963: 27). Эти данные приходится учитывать при определении наличия и типа погребений в курганах, исследованных в 1913 г.

Семь из 18 насыпей, выбранных Т. Арне для изучения, были нарушены. Большинство из них, по мнению автора, носили следы предыдущих раскопок (курганы 2, 3, 8, 13), в насыпи 3 в заполнении перекопа встречены современные (в реалиях 1913 г.) стекло и кирпич. Характер повреждения кургана 5 не ясен, в заполнении перекопа обнаружена консервная банка. В центре насыпи 6 выявлена яма, содержащая череп коровы. Курган 17 частично разрушен тропой (скотопрогоном? дорогой?).

В 18 курганах обнаружено 16 погребений. В насыпях 13, 14 и 17 захоронений не было выявлено. Единственным не нарушенным из них является курган 14, скорее всего, содержащий несохранившееся безынвентарное труположение на материке. Труположений в представленной выборке оказывается девять (+ 1?), трупосожжений — шесть. В своем описании Т. Арне не упоминает впускные ингумации или труположения, совершенные в подкурганых ямах (обряда, за редким исключением, не характерного для Михайловского некрополя). Тем не менее, судя по чертежам, захоронение в кургане 15 могло быть совершено в неглубокой могильной яме, а в кургане 12 могло быть впускным.

Среди трупосожжений с большой долей вероятности три определяются как совершенные на месте сооружения насыпи и такое же количество — как проведенные на стороне.

Антропологических исследований не проводилось, поэтому при невыразительном инвентаре (за исключением нескольких случаев) сделать заключение о количестве погребенных в трупосожжениях не представляется возможным. Определить количество захоронений в ингумациях значительно легче (при сохранившемся костяке). Кроме одного случая, во всех труположениях было выявлено по одному костяку. Исключением стал курган 2, содержащий парную ингумацию (из 55 насыпей Михайловского некрополя с труположениями только четыре содержали парные ингумации). Шесть раз выявлена западная ориентировка умерших, еще два раза зафиксирована западно-северо-западная, что вновь совпадает с ориентировкой большинства труположений в могильнике. Единственный случай, когда ориентировка не оговаривается, — насыпь 3. Т. Арне в процессе полевой фиксации, вероятно, забыл указать направление на север, присутствующее на всех остальных чертежах¹³. Исправить эту оплошность, видимо, к моменту составления отчета и статьи было уже невозможно. Предположить западную ориентировку покойного, возможно, с небольшими отклонениями, кажется, не будет большой ошибкой.

Все погребенные располагались вытянуто на спине. В одном случае (курган 5) голова покойника была повернута в левую сторону. Т. Арне лишь в двух случаях упоминает расположение рук

¹² Курган 9 располагается практически в центре курганной группы, поэтому «тонкий слой угля» с небольшим количеством костей будет отнесен к безынвентарным трупосожжениям на месте.

¹³ При зафиксированном расположении черепа, пряжки и ножа, обычно располагающихся в районе пояса, определить ориентировку не составило бы труда.

погребенных (виной тому — плохая сохранность антропологического материала). В насыпи 2 правая рука костяка располагалась на груди, левая — в районе таза. В кургане 12 обе руки покойного располагались вытянуто вдоль тела. Н. Г. Недошивина отмечала, что из 59 ингумаций Михайловского только в трех случаях руки были вытянуты, в остальных — располагались в области груди (правая или левая) или таза (Ярославское Поволжье... 1963: 29).

Трупосожжения на месте выявлены в курганах 9, 10 и 18. В насыпи 9 выявлен тонкий слой кострища с незначительным количеством пережженных костей. Слой погребального костра в кургане 10 достигал толщины 0,2 м и содержал погребальный инвентарь, не носящий очевидных следов пребывания в огне. Насыпь 18 не вызывает сомнения в определении как трупосожжения на месте, выявлены как пережженные кости, так и богатый набор погребального инвентаря, часть которого не оплавлена.

Кремации на стороне зафиксированы в курганах 6, 7 и 8. В насыпи 6 выявлено компактное скопление костей (очищенных от угля) и погребальный инвентарь. В кургане 7 остатки сожжения были прикрыты перевернутым керамическим сосудом и здесь же обнаружено незначительное количество углей и два железных ножа. В насыпи 8 зафиксированы скопление пережженных костей, фрагмент керамики и часть черепа коровы.

Оба варианта обряда кремаций хорошо известны в материалах Михайловского некрополя. Из всех захоронений могильника кремации выявлены в 63 % погребений, причем обряд трупосожжения на месте обнаружен в 31 % погребений, кремация на стороне выявляется чуть реже — 21 %, еще для 9 % захоронений подробности обряда установить невозможно, кроме самого характера способа погребения (сожжения).¹⁴ В материалах этих захоронений встречены полные аналогии всем перечисленным выше элементам ритуала (Ярославское Поволжье... 1963: 27–28).

Определить половозрастную принадлежность погребенных в отрыве от инвентаря довольно затруднительно. Т. Арне указывал, что в курганах 3 и 16 захоронены дети, хорошая сохранность костяка позволила ему предположить, что в насыпи 5 был погребен мужчина¹⁵. Кратко характеристика инвентаря выглядит следующим образом (см. цветную вклейку, рис. 12–16; табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Описание погребального инвентаря из курганов, исследованных Т. Арне

№ кургана/ погребения	Керамика	Нож	Копье	Наконечник стрелы	Пряжка	Шип	Гирька	Пронизка	Ременная гарнитура	Подвеска	Пуговица	Височное кольцо (?)	Осенок	Бусина (стекло)	Гребень	Кости животных	Пр. неопределен- ные цв. м.	Пр. неопределен- ные жел.
1		+	+										+					
2/1																		
2/2		+							+									
3		+			+													
4	+	+												+				

¹⁴ В подсчетах кроется математическая ошибка, остаются неучтенными еще 2 % погребений. Тем не менее данные приводятся согласно публикации.

¹⁵ В документации по коллекции Т. Арне из Михайловского есть указание на то, что черепа (количество не оговорено) переданы в антропологический отдел МАЭ АН СССР 10.09.1958. Обнаружить эти материалы пока не удалось. Очевидно, антропологические материалы хорошей сохранности также собирались автором раскопок.

№ кургана/ погребения	Керамика	Нож	Копье	Наконечник стрелы	Пряжка	Шип	Гирька	Пронизка	Ременная гарнитура	Подвеска	Пуговица	Височное кольцо (?)	Оселок	Бусина (стекло)	Гребень	Кости животных	Пр. неопределен- ные цв. м.	Пр. неопределен- ные жел.
5		+											+					
6						+	+		+						+			+
7	+	+																
8	+															+		
9																		
10	+							+		+							+	
11		+																
12	+	+														+		
13																		
14																		
15	+																	
16																		
17																		
18		+		+		+			+		+	+					+	

Из приведенных данных видно, что информативными выглядят захоронения в курганах 1, 6, 10 и 18. Остальные погребения характеризуются произвольным набором инвентаря, включающем керамику¹⁶, нож, пряжку, поясное кольцо, стеклянную бусину, оселок и кости животных. Кроме вышеуказанных, погребения не содержат более трех категорий инвентаря, а большинство типов заупокойных даров не влияют на гендерную, этническую или хронологическую оценку захоронений.

Не все находки, обнаруженные в курганах, поступили в собрание МАЭ. Инвентарь из курганов 1¹⁷, 7 и 8 бесследно исчез. Предметы отсутствуют в собрании музея, в публикации Т. Арне и на фотографиях из его личного архива. Не поступили в коллекцию две из трех пуговиц из трупосождения в насыпи 18, в публикации присутствует одна из них, на фотографиях в личном архиве — все три. Не удалось обнаружить одну из двух сердцевидных бляшек из того же захоронения, также присутствующую на фотографиях из личного архива.

Информация о целостности и истории формирования коллекции содержится в письмах автора (прил. 3). К сожалению, для работы доступны только два письма Т. Арне В. В. Радлову. Сохранились и существовали ли ответы, остается неизвестным. В тексте своих писем Т. Арне сообщает, что ответа не получал. Из писем видно, что предметы из раскопок 1913 г. пересылались в несколько этапов, частично с помощью почты, нестабильность работы которой в условиях военного времени специально отмечена Т. Арне. Установить, в какой момент произошли утраты коллекции, уже не представляется возможным. Сомневаться в порядочности Т. Арне или В. В. Радлова, на имя которого должна была быть адресована посылка, оснований нет. Наиболее вероятной представляется потеря при транспортировке в суматохе Первой мировой войны.

¹⁶ Важно отметить, что в нашей статье лишь поверхностно учитываются данные о керамике. Керамика из раскопок Т. Арне требует отдельного рассмотрения, видимо, после реставрации.

¹⁷ Информация о том, что находки из кургана 1 были каким-то образом отправлены в Музей антропологии и этнографии содержится в одном из приведенных ниже писем.

Находки из глины

Керамика обнаружена в комплексах 4, 7, 8, 10, 12 и 15. Расположение развалов и отдельных фрагментов выглядит следующим образом (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Керамика из раскопок Т. Арне

№ кургана	Обряд погребения	Наличие в коллекции	Положение	Кол-во	Примечание
4	ТП	+	В насыпи	20 фрагментов	
7	ТСС	—	Сосуд прикрывал остатки ТС на стороне		
8	ТСС	—	В насыпи, на кострище		В насыпи сосуд «позднейшего происхождения», по мнению Т. Арне
10	ТСМ	+	В насыпи	Более 30 фрагментов	Один из фрагментов — камень
12	ТП	+	Под костяком		За фрагмент керамики принят камень
15	ТП	+	Рядом с костяком	13 фрагментов	

Глиняное пряслице, найденное в одном из комплексов, возможно, сделано из стенки сосуда (см. цветную вклейку, рис. 12, 21).

Находки из железа

Железные ножи найдены в комплексах 1, 2/2, 3, 4, 5, 7, 11, 12, 18 (см. цветную вклейку, рис. 12, 1, 3, 5, 7, 18, 19; рис. 16, 61). В кургане 7, единственном для рассматриваемой выборки, обнаружены два ножа. Большинство ножей найдены целыми (в кургане 18 — только черенок) и относятся к стандартным типам, хорошо известным для раннесредневековых памятников. Экземпляры из погребений в курганах 4 и 5, скорее всего, сделаны по технологии трехслойного пакета. Положение ножей в ингумациях характеризуется автором раскопок следующим образом (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Положение ножей в ингумациях из раскопок Т. Арне

№ кургана/погребения	Положение ножа
1	Между бедренных костей
2/2	Близ внутренней стороны правой голени
3	В районе пояса*
4	В ногах
5	Близ левого предплечья выше таза
11	Возле правой голени близ колена
12	Возле головки правой бедренной кости

* Т. Арне не акцентировал внимание на положении ножа, оно реконструировано по чертежам.

В кургане 1 было обнаружено копьё. Отсутствие описания и изображения не позволяют сделать каких-либо выводов, известно только его положение: ниже большеберцовой кости, наконечник обращен острием на восток, то есть в сторону ног погребенного.

Еще один предмет вооружения — наконечник стрелы из кургана 18, относящийся к типу 52 варианту 1 по типологии А. Ф. Медведева (см. цветную вклейку, рис. 16, 63). Датировка и ареал распространения подобных наконечников очень широкие — VIII–XIII вв. В целом такой тип довольно редко встречается в могильниках Ярославского Поволжья, известен только один аналогичный наконечник, обнаруженный в кургане 69 Петровского некрополя (Медведев 1966: 69–70; Зозуля 2008: 339).

Прямоугольная пряжка со скругленной передней частью прямоугольного сечения и железным язычком обнаружена в кургане 3 (см. цветную вклейку, рис. 12, 4). Размеры пряжки заставляли бы воспринимать ее, скорее, в качестве подпружной. Тем не менее расположение в районе пояса погребенного позволяют считать ее ременной.

В захоронениях из насыпей 6 (три экземпляра) и 18 (один экземпляр) выявлены ледоходные шипы (см. цветную вклейку, рис. 13, 2–4; 16, 62). В кургане 6 один из шипов, судя по состоянию сохранности, не побывал в погребальном костре. Другой шип из того же погребения не носил следов использования (зубцы не загнуты). По данным А. Н. Кирпичникова, все шипы относятся к типичным обувным экземплярам (Кирпичников 1973: 80–81).

В инвентаре захоронения 6 найдены три фрагмента неопределимого железного предмета.

Находки из комбинированных материалов

Из трупосожжения кургана 6 происходит гирька бочковидной формы весом 11,6 г (см. цветную вклейку, рис. 13, 5). На одной из торцевых сторонах гирьки присутствуют знаки кратности: две точки в окружении пуансонного орнамента, идущего по периметру площадки, — следы на другой стороне разрушены коррозией. Вес гирьки хорошо укладывается в весовую систему, предложенную М. О. Жуковским, — в хорошо заметный в древнерусском материале диапазон 11,2–12,9 г, а точнее более узкую его составляющую — 11,4–11,6 г. Следуя логике автора, такой вес представляет норму в 1,5 модуля бочковидных гирек, а на поверхности разрушенной коррозией площадки с большой долей вероятности был знак кратности, состоящий из 1 точки. В выборке автора других сочетаний знаков кратности не зафиксировано (Жуковский 2017: 169, 176–178).

Находки из сплава на основе меди

В кургане 10 найдены четыре гладкие пронизки конической формы (см. цветную вклейку, рис. 12, 13–16). В том же захоронении обнаружена подвеска-пронизка колоколовидной формы (в трех фрагментах) (см. цветную вклейку, рис. 12, 11). В инвентаре этого погребения также найден моток проволоки и два фрагмента проволочных изделий, назначение которых не ясно (см. цветную вклейку, рис. 12, 9–10, 12). Моток проволоки имеет вес 2,69 г, что совпадает с доминирующей нормой веса дирхема первых трех периодов обращения, по В. Л. Янину. Кроме того, именно пик веса в 2,7 г зафиксирован для четырнадцатигранных гирек, что прекрасно проиллюстрировано в исследовании М. О. Жуковского, указывающего на функцию гирек этого типа в качестве сортировочных экзагиев (Жуковский 2017: 187–195). Находки мотков проволоки из серебра или сплава на основе меди нередко встречаются в кладах, в том числе содержащих инструменты для взвешивания (весы и гирьки) (Пушкина 2009: 526–530). Совокупность этих данных может свидетельствовать об использовании мотка проволоки из погребения в качестве разновеса или заготовки сырья в размерах, соответствующих привычной весовой норме.

Захоронения 2/2, 6 и 18 сопровождалась деталями ременного набора.

В погребениях 2/2 и 18 найдены поясные кольца (см. цветную вклейку, рис. 12, 2; 16, 59). Расположение кольца из ингумации 2/2 довольно нехарактерно — с левой стороны ниже черепа.

Один экземпляр (курган 2) круглого сечения, два (насыпь 18) — усеченного овального. Оба кольца не орнаментированы.

В кургане 6 выявлен набор, состоящий из двух наконечников и бляшки крупных размеров (подвид 1В-2 группы 1 класса XXVI, по В. В. Мурашевой), украшенных сложным геометрическим и растительным орнаментом (Мурашева 2000: 44–45, рис. 60) (см. цветную вклейку, рис. 14, 6–8; 10). Точные аналогии широкой сердцевидной бляшке найдены в Михайловском могильнике в кургане 216 (трупосожжение) (Ярославское Поволжье... 1963: 31, рис. 17, 1). Размеры предметов позволяют отнести их к категории уздечного набора.

Ременной набор из кургана 18 стал наиболее красочной находкой из раскопок 1913 г. Среди находок 24 бляшки с центральным декоративным элементом в виде пятилепесткового цветка, еще 25 бляшек украшены аналогичным образом и снабжены дополнительной деталью — рубчатой перемычкой между нижними лепестками цветка. В составе набора также были обнаружены две сердцевидные бляшки с каплевидными выступами по краю, лишенные орнамента (подвид 1И-1 вида 1И группы 1 класса I, по В. В. Мурашевой) (Мурашева 2000: 26, рис. 27) (см. цветную вклейку, рис. 15; рис. 16, 1–50). В набор входили пять наконечников ремня: орнамент самого крупного повторял декоративное украшение бляшек набора, три простых наконечника были украшены черненым изображением шестилепесткового цветка, еще один, сложной орнаментации, соответствует подвиду 1Г-1 группы 1 класса XI, по В. В. Мурашевой (Мурашева 2000: 63, рис. 95) (см. цветную вклейку, рис. 15; рис. 16, 51–55). Наличие большого количества наконечников может свидетельствовать о присутствии в захоронении конской узды.

Вероятно, к тому же набору относится обоймица в форме замкнутой плосковыпуклой скобки (см. цветную вклейку, рис. 16, 60). В этом же погребении обнаружена еще одна обойма сложной формы, весьма вероятно, также входившая в состав ременного набора (см. цветную вклейку, рис. 16, 56).

Три пуговицы найдены в кургане 18 (см. цветную вклейку, рис. 16, 57). Все они относятся к типу грибовидных с линейным орнаментом на лицевой стороне шляпки.

В этом же погребении найден предмет, который может быть атрибутирован в качестве проволочного несомкнутого височного кольца (см. цветную вклейку, рис. 16, 58).

Находки из камня

К находкам из камня относятся оселки. Предмет из погребения 5, найденный близ черепа, — камень, лишенный антропогенного воздействия (см. цветную вклейку, рис. 12, 17). Единственным предметом, возможно, входящим в эту категорию, можно считать находку из кургана 1 (на основании наличия в предмете отверстия для подвешивания, судя по описанию автора раскопок).

Находки из стекла

Бусина из погребения в кургане 4 отличается плохой сохранностью (см. цветную вклейку, рис. 12, 6). По описанию, оставленному Т. Арне, можно заключить, что бусина относится к типу глазчатых с глазками темно-голубого и желтого цвета, скорее всего, концентрической формы. В настоящее время глазки осыпались.

Находки из кости

В захоронении 6 найдены фрагменты костяного наборного гребня II группы, по типологии О. И. Давидан, украшенного нарезным геометрическим орнаментом (Давидан 1962: 94–101) (см. цветную вклейку, рис. 13, 1).

В курганах 8 и 12 обнаружены кости животных: в погребении из насыпи 8 фрагмент черепа животного, возможно, коровы, был найден в районе скопления остатков сожжения; в кургане 12 ниже таза костяка найдены голеностопные кости особи крупного рогатого скота.

Материалы, полученные Т. Арне, находят много параллелей в обряде и аналогий в инвентаре других курганов в Михайловском и не противоречат относительно устоявшимся современным представлениям об этом могильнике, в том числе в хронологическом плане. Комплексы, оказавшиеся, за редким исключением, малоинформативными, заставили его обратиться к результатам работ И. А. Тихомирова и В. А. Городцова. Обобщение позволило Т. Арне прийти к как будто заранее сделанным выводам о существовании в Михайловском в 900-х гг. шведской колонии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Т. Арне. Шведский курганный могильник в Ярославской губернии, Россия¹⁸

На расстоянии 7 км от Ярославля и 4 км от расположенного на Волге Толгского монастыря находится село Михайловское. Церковь, двор священника и школа находятся поблизости друг от друга; к западу от церкви (немногим более 100 м) начинается березовая роща с отдельными хвойными деревьями, ограниченная с северо-запада небольшим ручьем. В роще находятся по крайней мере 230–250 курганов. Ныне территория, занимаемая курганным могильником, имеет подквадратную форму с приблизительным направлением продольной оси юг-север. Насыпи курганов сложены из песка и заросли деревьями (рис. 1¹⁹). Приложенный план, основанный на плане И. А. Тихомирова, включает лишь исследованные курганы, которые в общих чертах сохраняются и поныне (рис. 2).

Ранее курганы были исследованы хранителем Ярославского древлехранилища И. А. Тихомировым и сотрудником московского Исторического музея В. А. Городцовым. Первоначально, в 1896 г., были исследованы 4, в 1897 г. — не менее 18 и в 1898 г. — 55²⁰ курганов. Последняя экспедиция была проведена 16–26 августа 1898 г. на средства Императорского Московского археологического общества. В. А. Городцов неоднократно проводил работы на территории могильника при участии воспитанников Ярославского кадетского корпуса. Материалы из его раскопок хранятся в фондах Ярославского древлехранилища, московского Исторического музея, а также, я полагаю, Ярославского кадетского корпуса. Среди находок наиболее примечательны около десяти овальных фибул, по крайней мере четыре меча каролингского типа и различные поясные накладки с зооморфным орнаментом.

Я, познакомившись с находками, обратился в Российское археологическое общество с просьбой разрешить исследование курганного могильника. Просьба была в наиболее учтливой манере подана профессору В. В. Радлову²¹ — директору Музея антропологии и этнографии Российской академии наук, куда впоследствии и поступили находки. Ряд обстоятельств не позволил мне детально исследовать все найденные предметы, поэтому их описание не является полным во всех смыслах.

Мои работы заняли неделю — 25–30 августа²² (н. с.) 1913 г., в течение которых были исследованы 18 курганов. Из них курганы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 13, 14, 17, 18 находятся в непосредственной близости друг от друга в северной части могильника; курганы 11, 12, 15 и 16 — близ западной границы, к востоку от ручья; курганы 9 и 10 — в южной части могильника.

¹⁸ Перевод статьи и дневников выполнен О. Н. Шוליным, за что выражаю глубочайшую благодарность. Текст перевода сверен с данными отчета для преодоления мелких разногласий.

¹⁹ Здесь и далее сохранены ссылки на рисунки в оригинальной работе Т. Арне.

²⁰ Явная опечатка. В отчете указана верная цифра — 50.

²¹ Очевидно, переписка продолжалась. Письма Т. Арне к В. В. Радлову, датированные 1915 и 1917 гг., приобщены к описи № 2693 отдела археологии МАЭ РАН. Их перевод представлен в приложении 3.

²² В публикации даны даты по григорианскому календарю, в отчете — по юлианскому.

Курган 1. Насыпь округлой формы диаметром 7,25 м и высотой 0,54 м, сложенная из песка и заросшая рябиной и березой. В насыпи встречаются мелкие острые камни со следами воздействия огня. В 0,1 м от материка (прежде всего в восточной части) эти камни с термическими сколами формируют тонкий слой, включающий также уголь. В южной части на краю слоя с обожженными камнями обнаружены остатки *человеческого костяка* с западной ориентировкой, а именно бедренные и большеберцовые кости. Ниже большеберцовой кости найден обращенный на восток небольшой *железный наконечник копья*. Между бедренных костей — *оселок* с отверстием и небольшой *железный нож*.

Курган 2. Насыпь округлой формы, поросшая травой, сложенная из песка с небольшой примесью пахотного слоя, диаметром 5,4 м и высотой около 0,43 м. Курган, по-видимому, подвергся частичному вскрытию. Повсюду встречаются небольшие обожженные камни, *фрагменты керамики*, а также куски *обоженной глины*. На уровне материка в центральной части кургана обнаружен ориентированный на запад-северо-запад *костяк* длиной 169 см. Костяк уложен на спине, правая рука — на груди, левая — на тазе. К северу от первого костяка обнаружены остатки *другого* — череп и кости нижних конечностей. С левой стороны ниже черепа основного костяка обнаружено *бронзовое кольцо*, близ внутренней стороны правой голени — *железный нож* (рис. 3).

Описание находок. Бронзовое кольцо круглого сечения. Диаметр 2,65 см.

Лезвие небольшого *железного ножа* с толстым обухом. Длина 9,5 см (рис. 4а).

Курган 3. Насыпь округлой формы диаметром 6,2 м и высотой 0,25–0,3 м, ранее вскрытая. На глубине приблизительно 0,35 м обнаружены современные осколки стекла и обломки кирпича. На глубине 0,36 м найдены остатки *черепа* (вероятно, ребенка), также *железные нож* и *пряжка*.

Описание находок. Простой однолезвийный *железный нож* с широким обухом и обломанным острием лезвия. На черешке, имеющем прямоугольное сечение, сохранились остатки дерева. Длина 13,35 см (рис. 4б).

Продолговатая *железная поясная пряжка*, состоящая из рамки и язычка. Длина 3,5 см (рис. 5).

Курган 4. Сложенная из песка насыпь округлой формы диаметром 6,1 м, высотой 0,44 м. На глубине 0,35 м выявлен слой погребенной почвы с включением угля толщиной местами до 0,4–0,5 м. В этом слое обнаружены обожженные мелкие камни, *фрагменты керамики*, *жженные* мелкие *кости*, отдельные *кости животных* (нежженные).

В центральной части кургана на уровне погребенной почвы зафиксированы остатки *ингуацши*, ориентированной на запад. Сохранились лишь череп и кости нижних конечностей. В ногах обнаружен *железный нож* и *стеклянная бусина*.

Описание находок. Расстеклованная синяя глазчатая *бусина*, первоначально с глазками темно-голубого и желтого цвета (?). Диаметр около 1,2 см (рис. 6).

Небольшой *железный нож* с тонким, сточенным лезвием. Длина 10,1 см. Длина клинка 5,3 см (рис. 4с).

Курган 5. Насыпь, сложенная из песка, диаметром 6,45 м, высотой 0,4 м. В центральной части кургана на материке обнаружен *человеческий костяк* (вероятно, мужчины среднего роста), ориентированный на запад-северо-запад. Череп повернут на левую сторону. Под костяком найдены *фрагменты керамики*, *угольки*, близ черепа — *обломок оселка*. Близ левого предплечья выше таза — *железный нож* (курган сильно поврежден, в нем обнаружена даже современная консервная банка).

Описание находок. Обломок *оселка* (сланец). Длина 4,7 см. Ширина 3,8 см (рис. 7).

Простой *железный нож* с уступом между лезвием и черенком. Длина 14,1 см. Длина рукоятки 7,1 см (рис. 4д).

Курган 6. Большая сложенная из песка насыпь, заросшая березами. Диаметр 9 м. Высота 1,1 м. Курган расположен на естественной возвышенности, в центре насыпи зафиксирована яма, в которой обнаружены фрагменты *череп*, вероятно, *коровы*. В насыпи выявлено компактное скопление *костей кремнированного человека* (на площади не более 0,5 м, мощностью 10–15 см). Среди костей не обнаружено угля, найдены три *бронзовые поясные пряжки*, два фрагмента *гребня*, три *железных шипа* и *железная гирька в бронзовой обтяжке*.

Описание находок. Широкая, сердцевидная бронзовая *поясная накладка* с четырьмя шпеньками на оборотной стороне, орнаментированная семилистной пальметтой. Центральный лист имеет форму, напоминающую клеверную, по сторонам две пары остальных листьев изогнуты вверх и внутрь, третья — направлена вниз. Ширина 4,1 см. Высота 3 см. Толщина около 2,5 мм (рис. 8).

Бронзовый ремешок с наконечником с четырьмя шпеньками на оборотной стороне. Округлая нижняя часть обломана. В орнаменте использована своеобразная трактовка мотива древа жизни, отдельно от которого — пальметта с трехчастным листом. Длина 4,5 см. Ширина 2,7 см (рис. 9).

Нижняя часть *бронзового ремешка с наконечником*, схожего с предыдущим. Длина 2,7 см. Ширина 2,6 см (рис. 10).

Железный шип с прямыми зубцами со следами воздействия огня. Ширина 3,5 см (рис. 11).

Два *железных шипа*, сходных с предыдущим, но с шире расставленными загнутыми зубцами. Один — коррозированный, второй — со следами воздействия огня. Ширина 4,2–4,35 см (рис. 12).

Три сильно коррозированных *железных изделия* непонятного назначения.

Небольшая *железная гирька в бронзовой обтяжке*, диаметр 1,6 см, бочковидная, со знаками кратности (рис. 13).

Два *фрагмента костяного гребня*. Фрагменты принадлежат наборному гребню с рубчатый орнаментом на спинке и косыми насечками на боковых накладках. Зубья отсутствуют (рис. 14, а, б).

Курган 7. Сложенная из песка насыпь округлой формы диаметром 7 м и высотой 0,5 м, заросшая двумя соснами и рябиной. На уровне материка обнаружен разбитый, перевернутый *керамический сосуд* хорошей сохранности. Здесь же выявлено небольшое количество *мелких угольков*, изредка встречавшихся и в насыпи кургана. В инвентарь захоронения также входили сильно коррозированный *железный* (два фрагмента) и *длинный железный нож*.

Курган 8. Очень большой курган с незавершенной траншеей, указывающей на прежние раскопки. В середине насыпи крупная береза. Насыпь сложена из песка. Примерно на 2 м ниже вершины выявлено скопление угля и *кальцинированных костей*, *фрагмент глиняного сосуда* и *фрагмент черепа*, вероятно, *коровы*. В насыпи обнаружены фрагменты темного со следами нагара *глиняного кругового сосуда*, безусловно, позднейшего происхождения.

Курган 9. Крупная сложенная из песка насыпь округлой формы диаметром 8 м и высотой 0,73 м. На кургане растут береза, осина, рябина и пр. На уровне материка зафиксирован тонкий слой угля и несколько *фрагментов жженой кости*. В насыпи обнаружены несколько фрагментов *глиняного сосуда*.

Курган 10. Крупная сложенная из песка насыпь, заросшая четырьмя березами, елкой и несколькими осинами. Высота 1,3 м, диаметр 10,5 м (рис. 15). В насыпи выявлена сложная стратиграфия: угольная прослойка сменяется слоем белесого песка, затем обожженного красного песка, ниже выявлен угольный слой мощностью 0,2 м. Здесь обнаружены *фрагменты керамики*, *шесть бронзовых бусин*, *бронзовая фибула*, *бронзовая подвеска* (в форме колокольчика), фрагмент *бронзовой подвески* и т. д.

Описание находок. Крупная *бусина*, вероятно, бронзовая, с небольшими углублениями вокруг отверстия. Диаметр 1,85 см.

Пять небольших круглых *бронзовых бусин* диаметром от 0,7 до 0,9 см.

Колоколовидная *бронзовая подвеска*, сильно повреждена (три части). Высота 1,9 см (рис. 16).

Бронзовая иголка, изогнутая, с одной стороны сплющена. Длина 5,6 см.

Изогнутая *бронзовая проволока*. Хорда около 2,7 м, вероятно, элемент подвески.

Курган 11. Сложенная из песка насыпь 5,3 м в диаметре и 0,6 м в высоту. На уровне материка обнаружен *человеческий костяк*, уложенный прямо, ориентированный на запад. Удовлетворительная сохранность черепа, позвоночника и большеберцовых костей. Возле правой голени близ колена обнаружен *железный нож*.

Описание находок. Небольшой *железный нож*, черенок сильно разрушен, тонкое сточенное лезвие. Длина 9,45 см, длина клинка 5,9 см (рис. 4е).

Курган 12. Насыпь, сложенная из песка и гумусированной супеси с включением угля. Высота 0,7 м. Диаметр 5,6 м. В насыпи обнаружен *человеческий костяк* с западной ориентировкой. Костяк уложен на спине, руки вытянуты вдоль тела (рис. 17).

Возле головки правой бедренной кости обнаружен *железный нож*, ниже таза — *фрагмент керамики* и *голеностопные кости особи крупного рогатого скота*. В насыпи обнаружены *фрагменты керамики*.

Описание находок. *Железный нож* с очень грубым лезвием и по большей части сохранившимся черенком. Длина 13,7 см. Длина клинка 8,7 см.

Курган 13. Насыпь, вероятно, уже раскрытая. Исследование не дало результатов.

Курган 14. Насыпь, сложенная из песка. Диаметр 5,3 м. Раскопки не дали результатов.

Курган 15. Насыпь, сложенная из песка, диаметром 6,4 м и высотой 0,5 м. В насыпи обнаружен *костяк* с западной ориентировкой, уложенный на слой черной земли с примесью угля. Рядом с костяком — *отдельные фрагменты керамики*. Сохранность костяка плохая.

Курган 16. Насыпь, сложенная из песка, диаметром 5,8 м и высотой 0,36 м. Перепад высот материка достигает 0,4 м. В насыпи выявлен *костяк ребенка*, уложенный головой на запад; сохранился лишь череп.

Курган 17. Низкая сложенная из песка насыпь круглой формы, диаметром 5,3 м и высотой 0,2 м. Перепад высот материка достигает 0,3 м. Исследование не дало результатов. Насыпь частично разрушена проходящей через нее тропой.

Курган 18. Насыпь, сложенная из песка, диаметром 6,4 м и высотой 0,43 м. На уровне материка обнаружены *жжженные кости, черепки, нож, железные наконечники стрел*, много мелких *бронзовых ременных накладок, три бронзовые пуговицы, небольшое серебряное кольцо*.

Описание находок. Три продолговатых *бронзовых ременных наконечника*, верхний конец — прямой, нижний — закругленный. На оборотной стороне по четыре бронзовых шпенька. Черненный орнамент. Длина 2,35 см. Ширина 1,15 см (рис. 18).

Тонкий со следами воздействия огня *бронзовый ременной наконечник* с растительным орнаментом. Длина 3,1 см. На оборотной стороне два шпенька (рис. 19).

Бронзовый ременной наконечник с пятью *шпеньками*, орнаментирован двумя пятилистными пальметтами. Длина 3 см. Ширина 1,5 см. Следы чернения (рис. 20).

24²³ малые *бронзовые ременные накладки* в форме пятилистной пальметты; два базовых листа соединены рубчатой шейкой. На оборотной стороне три *шпенька*. 1,3 × 1,4 см (рис. 21).

23²⁴ малые *бронзовые ременные накладки* в форме пятилистной пальметты с полукруглым углублением между базовыми листьями. На оборотной стороне три *шпенька*. 1,3 × 1,4 см (рис. 22).

²³ Здесь допущена ошибка при подсчетах. В коллекции хранится 25 накладок этого типа.

²⁴ Накладок этого типа в коллекции представлено 24.

Две сердцевидные *бронзовые ременные накладки*, чернение. 1,35 × 1,20 см (рис. 23).

Бронзовое кольцо треугольного сечения; внутренняя поверхность плоская. Диаметр 2 см.

Овальное кольцевидное *бронзовое украшение*. Длина 1,7 см. Ширина 0,7 см.

*Бронзовая оковка*²⁵. Ширина 1,4 см (рис. 24).

Три *бронзовые пуговицы* с выпуклыми, почти коническими головками, пунктирный орнамент. На оборотной стороне — ушко. Длина 1,1 см. Диаметр головки 0,8 см (рис. 25).

Железный предмет, возможно, черенок ножа. Длина 5 см.

Железная тонкая пластина пятиугольной формы, возможно, фрагмент наконечника стрелы (?). Длина 3,8 см.

В одном из курганов работник (не зная, что это) обнаружил круглое пряслице светло-желтой обожженной глины. Диаметр 3,6 см. Толщина 1,1 см (рис. 26).

В своей работе «Шведы и Восток» (1914), а также в статье «Колонии шведских викингов на Руси» в сборнике «Великая Швеция» (1917) я не использовал материалы исследований Михайловского курганного могильника, проведенных гг. И. А. Тихомировым и В. А. Городцовым. Первый в нескольких статьях достаточно широко освещает результаты своих раскопок. В «Отчете о раскопках в Ярославской губ. и уезде под селцом Михайловское» (Ярославские губернские ведомости, 1898) он описывает исследованные в 1896 г. четыре кургана. В большом кургане (17, 24 м в диаметре и 1,1 м в высоту — 1,75 — с учетом естественной возвышенности, открытой под насыпью) обнаружены кальцинированные кости человека, птиц и животных, две скандинавские овальные фибулы, тонкая железная оковка с заклепками, ручка шкатулки, пружинные ножницы, железный нож и небольшой глиняный сосуд, все на 73 см ниже вершины насыпи и в 6,24 м от ее границы. Кости и предметы находились в едином слое. На глубине 1,1 м обнаружено овальное кострище размером 2 × 1,5 м мощностью 0,1–0,12 м. На краю его найден железный шип, несколько фрагментов глиняного сосуда, а также фрагмент глиняного кольца (рис. 27а). Курган № 2 не содержит никаких находок, № 3 — немного кальцинированных костей, железный нож и фрагменты глиняного сосуда, № 4 — безынвентарное труположение. Из 55 курганов, исследованных в 1898 г., девять не содержали костей, вероятно, потому что необожженные кости разложились; 46 остальных содержали кремнированные останки. По И. А. Тихомирову, в 28 случаях трупосожжение совершено на месте, а в 18 — за пределами насыпки кургана.

И. А. Тихомировым и В. А. Городцовым обнаружено в Михайловских курганах большое количество предметов несомненно скандинавского происхождения, причем эти находки сделаны в самых «богатых» захоронениях. Все захоронения совершены по обряду трупосожжения. Следует отметить несколько мечей, около десяти овальных фибул, бронзовые Х-образные накладки с зооморфным орнаментом, ременные наконечники и накладки с зооморфным орнаментом, железные оковки щитов, гребни, круглую подвеску с изображением животного (рис. 28), круглую фибулу с зооморфным орнаментом и кольцевидную фибулу (рис. 29), железные шипы, небольшие оселки с отверстиями, наконечники стрел, бронзовые весы, железные гирьки с бронзовой обтяжкой, керамические сосуды и глиняные лапы, последние неизвестны в самой Швеции.

Время от времени в курганах находятся восточные бронзовые ременные накладки, иногда используемые согласно скандинавской традиции в качестве подвесок, как в готландских, так и в упландских погребениях.

Содержание и размеры некоторых курганов стоит привести. Все они исследованы в 1898 г. И. А. Тихомировым.

№ 1. Содержал меч каролингского типа, два керамических сосуда. Высота кургана до 1,5 м.

²⁵ В отчете предмет называется «бронзовое украшение ленточной формы».

№ 7. Приблизительно 7,5 м в диаметре и 0,3–0,4 м в высоту. Здесь обнаружены уголь, кальцинированные кости, железный нож, железный шип, бронзовые ременные накладки квадратной формы.

№ 8 (диаметр 8 м). Обнаружено удлиненной формы кострище с кальцинированными костями, бедренные кости лошади, два глиняных сосуда, костяной гребень, наконечник копья, оселок с отверстием, железный нож, бронзовый ключ и кольцевидная фибула (рис. 29).

№ 15 (диаметр 7 м). Обнаружены кальцинированные кости, также два глиняных сосуда, две овальные фибулы и железный нож.

№ 18 (диаметр 8,75 м). Обнаружен разбитый сосуд, в котором находился еще один сосуд. Глиняный горшок содержал кальцинированные кости, зубы лошади, железный шип, стеклянные бусы, бронзовое кольцо и круглую бронзовую фибулу с бронзовым колечком на обратной стороне (рис. 28).

№ 39. Диаметр 8,7 м, высота — 0,55 м. Погребение содержало два керамических сосуда, наконечник копья, костяные бусины, железный шип, фрагменты круглой фибулы и т. д.

Раскопки И. А. Тихомирова и В. А. Городцова, бесспорно, свидетельствуют о том, что в наиболее богатых курганах, содержащих преимущественно предметы скандинавского происхождения, были погребены выходцы из Швеции.

Местом последнего упокоения шведов могут быть также исследованные мною курганы № 6 и 8, чего я не могу сказать ни о погребении № 10, ни о погребениях, содержащих ингумации. Последний из упомянутых курганов с кремацией содержит элементы, нехарактерные для шведских погребений, и довольно бедный инвентарь (железный нож, глиняный сосуд, оселок, стеклянные бусы), так что о национальной принадлежности погребенного не может быть сделано никаких выводов. Мне бы хотелось думать, что он принадлежал финскому племени. Все объекты кургана № 6 обыкновенны для самой Швеции — это различные варианты восточных ременных накладок (см.: Арне Т. «Шведы и Восток», рис. 130, 136, 181, 183–185).

Пуговицы погребения № 18 имеют аналогии в погребениях в Бьёрко и Меларен, тогда как большинство восточных поясных накладок неизвестны в Швеции (ср., однако, рис. 240, 250 в вышеупомянутой работе). Я, впрочем, не считаю, что это является основанием рассматривать данное погребение отдельно от № 6, как делалось прежде для выделения некоего чистого скандинавского типа.

Курганный комплекс в Михайловском, по-видимому, относится к 900-м гг. Здесь, как и на территории Руси вообще, среди шведов трупосожжение было обычной погребальной практикой. Тот же процесс зафиксирован и в самой Швеции, где в эпоху викингов только небольшой процент населения (если исключить Бирку) практикует трупоположение, причем в самом конце эпохи. Курганы с ингумацией, содержащие скандинавские вещи, появляются на Руси в основном к юго-востоку от Ладожского озера и в Киеве довольно поздно, причем в последнем случае обряд можно считать заимствованным.

Курганные насыпи в Михайловском, так же как и в Гнездово в Смоленской губернии, сложены почти исключительно из песка, что, разумеется, объясняется отсутствием камня. Аналогичные песчаные насыпи без камней эпохи викингов известны на острове под Хотингом (приход Тошъё, Онгерманланд) и, вероятно, присутствуют и в иных районах Швеции.

В Михайловском, таким образом, существовала колония шведов, мирно проживавших вместе с коренным населением, для которого они были правящей элитой и в среде которого шведы со временем ассимилировались.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Дневник Т. Арне за 7–18 августа 1913 г.²⁶

7 августа. Ночью поездка продолжилась. В 7.04 прибыли мы в Москву. Мы остановились в гостинице «Берлин», телефонируя, дабы встретиться с директором N в саду Эрмитаж, где также были представлены инженер Крейц²⁷ и господин Венцель²⁸. Комната стоила 4.50. Куплены были две карты, газеты и книги.

8 августа. Мы, около 9.20 отправившись с Ярославского вокзала, познакомились с неким мужчиной, который следовал в Тюмень и уже несколько раз бывал в Сибири. Он предложил кетовой икры, вкус которой весьма специфичен. Около 4.50 мы прибыли в Ярославль, где остановились в гостинице «Бристоль», возведенной в 1911 г.

9 августа. Я, посетив музей, познакомился с археологом Тихомировым²⁹ и узнал адрес священника в селе Михайловское, где получил разрешение на раскопки памятника эпохи викингов близ церкви. Священника зовут Николай Андреевич Виноградов³⁰. Ближайший к селу причал находится возле Толгского монастыря и называется Пристань Толгского парохода.

10 августа. Я посетил губернское правление, дабы уведомить о работе³¹, затем — музей, где временно хранятся находки из-под Михайловского.

11 августа. Посещение Михайловского.

12 августа. Мы подготовились к поездке в Михайловское, куда и направились на лодке. Остановились в школе, в комнате отпускного учителя, где он проживал стена к стене с коровником. Мочалка учителя еще висела в «умывальной». Столовались мы в доме Виноградова, который имел сына-гимназиста, дочь семнадцати лет и репетитора Костю — «вечного студента», женатого, ныне обучавшегося в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Он жил на пасеке, где часть ульев была убрана, дабы дать шанс несчастному Косте, который по утрам являлся с весьма искаженным лицом.

13 августа. Начали раскопки силами пяти работников с оплатой по 1,25 рубля каждому и по 50 копеек «на чай». В первый день были исследованы три насыпи.

14–16 августа. Раскопки. В районе начались военные маневры. Здание школы оказалось занято землевладельцем Плигиным и его доброй женой. У них было 12 собак, меньшая из которых, лающая пуще пустого, носила имя Пуришкевич в честь русского видного политика и думца, который позже оказался в числе убийц Распутина.

17 августа. Продолжали раскопки. Следом за Плигиным землевладелец Силандер — инженер, строивший железные дороги, поселился в доме вместе с дочерьми. Он имел французское происхождение, но не знал французского, чему-то, однако, обучаясь у Вайбуллы, а сельскохозяйственной лексике — у Нальберга³².

²⁶ На титульном листе дела указано, что дневник из поездок в разные страны за 1906–1907 и 1912–1913 гг. полностью переписаны автором в 1940 г. Причины остаются неясны и, вероятно, являются глубоко личными (любезное сообщение И. Янссона).

²⁷ Несмотря на довольно распространенную фамилию Крейц среди немецкого, шведского и польского дворянства, установить конкретного представителя фамилии, с которым встречался Т. Арне, не удается.

²⁸ Установить личность не удается.

²⁹ Илларион Александрович Тихомиров (1861–1933) — ярославский археолог, историк, краевед, искусствовед, реставратор, музейный и архивный деятель.

³⁰ Фигурирует в переписке В. А. Городцова с И. А. Тихомировым. Известно, что часть курганов «на церковной земле» в Михайловском была разрушена для нужд церкви, где служил Н. А. Виноградов. В собрании ЯГИАХМЗ хранится часть коллекции, переданной Н. А. Виноградовым при разрушении одной из насыпей в 1899 г.

³¹ И, очевидно, предоставить удостоверение, полученное в Императорской Археологической комиссии, черновик которого сохранился в бумагах РА НА ИИМК РАН (см. цветную вклейку, рис. 17). Сердечно благодарю за помощь в работе с собранием архива М. В. Медведеву.

³² Установить перечисленных особ, кроме В. М. Пуришкевича и Г. Ф. Распутина, довольно трудно, к теме публикации они, судя по всему, отношения не имеют. Очевидно, являются яркими представителями местного дворянства.

Рабочим, работавшим нынче (это был праздник), — 32 или 33 рубля.

18 августа. В этот день мы оставили Михайловское и, используя лошадей Плигина, прибыли сперва в Толгский монастырь, каковой осмотрели и побеседовали с настоятелем. Он побывал в Канаде, интересуясь новыми методами в сельском хозяйстве, в садоводстве. Виноградов хлопочет об открытии народной библиотеки. В школе таковую, насколько я понял, составляли исключительно официоз и церковная история. Около половины пятого мы лодкой вышли на Ярославль. Находки были привезены сюда, а позже отправлены в музей Академии наук в Петербурге³³.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письмо Т. Арне В. В. Радлову от 15 июля 1915 г.³⁴

Стокгольм, 15 июля 1915

Господин Директор,

Имею честь Вам прислать приложенное к письму описание части моих раскопок в России летом 1913 года. В ноябре-месяце (27-го) я вернулся в Стокгольм и намеревался привезти материалы раскопок в Петроград год тому назад по случаю Доисторического конгресса в Пскове³⁵. К несчастью, он не состоялся, почта плохо функционировала, после того как вспыхнула война, и я предпочел сохранить здесь [в Стокгольме] мои бумаги в надежде вскоре иметь возможность продолжить мои археологические исследования в России и привезти их лично.

При Вашем посредничестве я получил разрешение копать в Вятской, Олонецкой, Ярославской и Астраханской губерниях. В двух первых мне было невозможно проводить раскопки — времени не хватало. В результате я копал лишь в Астраханской и Ярославской губерниях, и данное письмо содержит описание раскопок в Ярославской губернии. Когда я узнаю, что письмо дошло, я еще пришлю также описание раскопок в Шаренском Бугре³⁶ около Астрахани³⁷ и маленькие бронзовые вещицы, найденные в Михайловском, еще не отправленные в музей Академии [наук]. В этом описании [раскопок в Ярославской губернии] предметы, уже пересланные в Петроград, не характеризуются (например, из погребения 1).

Раскопки вблизи Астрахани не дали больших результатов. Как уже показал господин [А. А.] Спицын, [памятник] является татарским городом XIII–XIV вв. Я думал, что обнаружу там хазарский город Итиль, но не вышло. Все найденные в ходе раскопок вещи были отправлены в ваш музей — я оставил у себя лишь несколько татарских монет, купленных у одного крестьянина.

Я пошлю Вам еще фотографий. Этим летом господин [Г.] Халльстрём³⁸ раскопал древнее жилище каменного века и собрал там много керамики, чтобы переслать ее в обмен на керамику из Белачай³⁹, которую наш музей получил в прошлом году.

В прошлом году и этим летом я был мобилизован⁴⁰ в течение трех месяцев, вот что еще привело к тому, что эти бумаги дошли [до Вас] поздно.

Желаю Вам доброго здоровья.

³³ Как следует из писем автора, дело обстояло не совсем так. В действительности и коллекция поступила в музей лишь спустя два года.

³⁴ Перевод текста писем с французского языка выполнен А. О. Шевцовым, за что выражаю глубокую благодарность.

³⁵ Имеется в виду XVI Всероссийский археологический съезд, проведение которого было отменено за несколько дней до намеченной даты открытия из-за объявленной мобилизации и начала Первой мировой войны (Серых 2014: 60–61).

³⁶ Часть географических названий в письмах указана на русском языке, при переводе текст приведен к падежным согласованиям.

³⁷ Шареный бугор, Жаренный бугор. Городище эпохи Золотой Орды и Астраханского ханства XIII–XVI вв. В данный момент надежно определяется как город Хаджи-Гархан.

³⁸ Густаф Халльстрем (1880–1962) — археолог, профессор Стокгольмского и Уппсальского университетов.

³⁹ Установить памятник не удалось.

⁴⁰ Очевидно, речь идет о какой-то работе в условиях военного времени. Например, по линии Красного креста.

Я Вас прошу, господин Директор, принять мои почтительные и преданные приветствия!
Доктор Т. Арне

Письмо Т. Арне В. В. Радлову от 2 апреля 1917 г.

Стокгольм, 2 апреля 1917

Его Превосходительству В. В. Радлову, Петроград

Имею честь рекомендовать Вам молодого шведа, бакалавра В. Льюнгаля⁴¹, который хотел бы изучать доисторические коллекции музея Академии наук. Помимо этого, я отправляю Вам материалы моих раскопок в Михайловском (Ярославская губ.).

В 1915 [году] я посылал Вам описание раскопок, но предпочел тогда не пересылать по почте эти маленькие предметы, которые так легко теряются. Что касается моих раскопок в Карантинном (Астраханская губ.)⁴², ее материалы уже находятся в Академии наук, и я готов отослать Вам мое описание [раскопок] — я немного засомневался его отправлять, так как мне показалось, что мои письма до Вас не доходят, во всяком случае я не получил на них ответа. К сожалению, я не смог воспользоваться разрешением на раскопки в Олонецкой и Вятской губерниях. Я надеялся, что после этой войны смогу возобновить мои изыскания о доисторическом прошлом России. Я Вас прошу, Ваше Превосходительство, принять мои заверения в глубоком почтении, и я желаю Вам доброго здоровья и счастья иметь возможность продолжительно работать на Ваш дорогой музей.

Ваш преданный,
Т. Арне

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1898. Д. 187. Дело ИАК О раскопках членов Ярославской Ученой Архивной Комиссии В. А. Городцова и И. А. Тихомирова.

РА НА ИИМК РАН Ф. 1. Оп. 1912. Д. 6. Дело ИАК с разными бумагами, не составляющими особых дел.

Эдинг Д. Н. Заметки о работе Т. Арне // ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 323. Л. 40–55. Без даты.

Авдусин Д. А. Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 3–12.

Авдусин Д. А. Неонорманистские изыскания буржуазного историка // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 114–120.

Авдусин Д. А. Варяжский вопрос в работах Смоленской экспедиции // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 173–174.

Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005.

Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 36–41.

Греков Б. Д. О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // Новое время. 1947. № 30. С. 12–15.

Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4. С. 95–108.

⁴¹ Дэвид Вильгельм Льюнгаля (1870–1940) — шведский этнолог, преподаватель, иллюстратор. С автором письма могли быть знакомы благодаря сотрудничеству Д. В. Льюнгаля с Историческим музеем в Стокгольме в качестве модельного закройщика.

⁴² Установить археологический памятник не удастся. Известно, что в Астраханской губернии имелось село Карантинное, вошедшее в 1960 г. в состав Астрахани.

Жуковский М. О. Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: экономические связи Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 144–246.

Зозуля С. С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. 2. С. 337–340.

Известия XV Археологического съезда в г. Новгород. М., 1911.

Кирпичников А. Н. Памяти Туре Арне // Советская археология. 1969. № 2. С. 242–243.

Кирпичников А. Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. (Свод археологических источников. Вып. Е1-36).

Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Коваленко Г. М. Туре Арне — ученый и общественный деятель // Новгород и Новгородская земля. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 287–302.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. (Свод археологических источников. Вып. Е1-36).

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Приезд шведского ученого // Газета «Голос». 1913. № 194.

Пушкина Т. А. Новые монетно-вещевые клады из Гнездова // Великий Новгород и средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 525–532.

Седых В. Н., Зозуля С. С. Денарии в Ярославском Поволжье (по материалам Тимеревского и Михайловского археологических комплексов) // XVIII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2015. С. 100–102.

Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. Казань, 2014.

Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 6. М.; Л., 1941. С. 56–88.

Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / под ред. д.и.н. А. П. Смирнова. М., 1963.

Antikvarisk-topografiska arkivet, T. J. Arne arkiv, bilder Russland.

Arne T. J. La Suede et l’Orient. Uppsala. 1914.

Arne T. J. Ett svenskt grawfalt i guvernementet Jaroslavl, Russland // Fornvannen. Stockholm, 1918. P. 31–47.

Arne T. J. Det vikingatids Gnezdovo Smolensk foregangare // Arkeologisk forskningar och fynd. Stockholm, 1952. P. 335–344, 461.

Avdusin D. Smolensk and the Varangians according to the Archeological Data // Norwegian Archaeological Review. 1969. Vol. 2. P. 52–62.

TURE ARNE'S EXCAVATIONS IN MIKHAILOVSKOE IN 1913

ABSTRACT. The article is focused on the studies of a famous Swedish archaeologist Ture Arne in the territory of Mikhailovskoe Archaeological Complex necropolis (Yaroslavl Region) in 1913. The author investigated 18 mounds containing burials created according to the rites of cremation and inhumation. Most of the graves turned out to be low-inventory. An exception is the mound number 18. A full-fledged analysis of Arne's excavation materials was impossible without the involvement of his personal archive, the manuscript of his report and personal correspondence. Examining the excavation report allowed us to clarify the methodological aspects of the research and identify the features of each burial, which are not always fully reflected in the publication. Personal correspondence characterizes the history of the collection formation; also the time and the reasons for the partial loss of the finds become apparent. The materials of Arne's personal archive contain photos of the necropolis excavations and sketches of the everyday life of Mikhailovskoe village. In addition, drawings that were not included into the work from 1918 have been identified and published. An undoubtedly valuable source is Arne's diary which contains information about the circumstances of his work in 1913. The researcher describes his journey from Moscow to Yaroslavl and back, living with the priest N. A. Vinogradov and the local community quite sarcastically.

KEYWORDS: Old Russian archaeology, Ture Arne, Mikhailovskoe Archaeological Complex, the Varangian Problem

SERGEY S. ZOZULYA — State Historical Museum (Russia, Moscow)

E-mail: zozulia.sergey@gmail.com

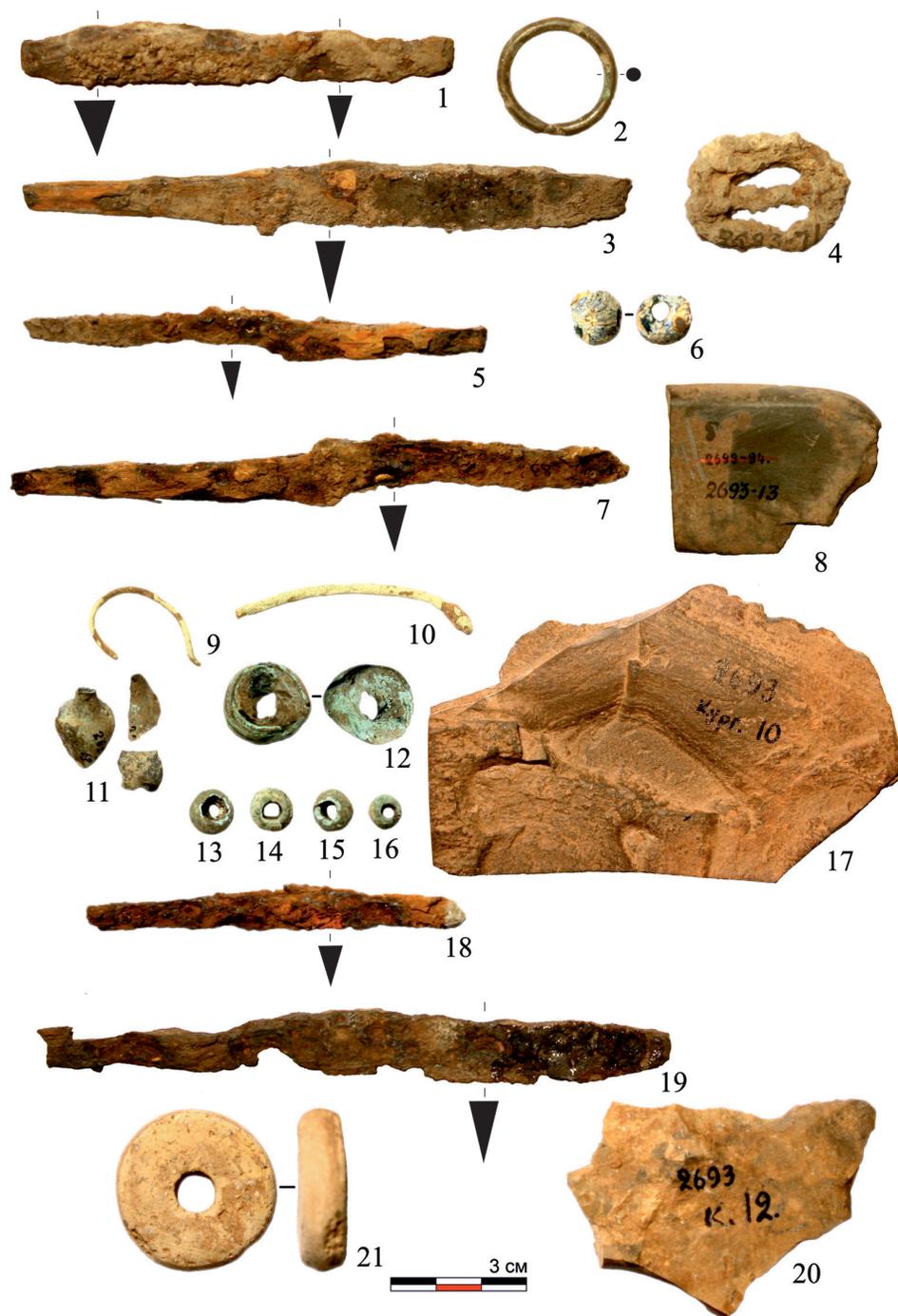

Рис. 12. Погребальный инвентарь из курганов 2–5, 10–12 и депаспартизованное пряслице.

Собрание МАЭ РАН.

- 1–2 — курган 2, погребение 2; 3–4 курган 3; 5–6 — курган 4; 7–8 — курган 5;
9–17 — курган 10; 18 — курган 11; 19–20 — курган 12; 21 — депаспартизовано.
1, 3, 5, 7, 18–19 — нож; 2 — ременное кольцо; 4 — пряжка; 6 — бусина; 8, 17, 20 — камни;
9–12 — проволочные изделия; 11 — подвеска-пронизка; 13–16 — пронизки;
21 — пряслице. 1, 3–5, 7, 18–19 — железо; 2, 9–16 — сплав на основе меди;
6 — стекло; 8, 17, 20 — камень; 21 — глина

Рис. 13. Погребальный инвентарь из кургана 6. Собрание МАЭ РАН. 1 — фрагменты гребня; 2–4 — шипы; 5 — гирька; 6 — ременная накладка; 7–8 — ременные наконечники.
1 — кость; 2–4 — железо; 5 — железо в обтяжке из сплава на основе меди;
6–8 — сплав на основе меди

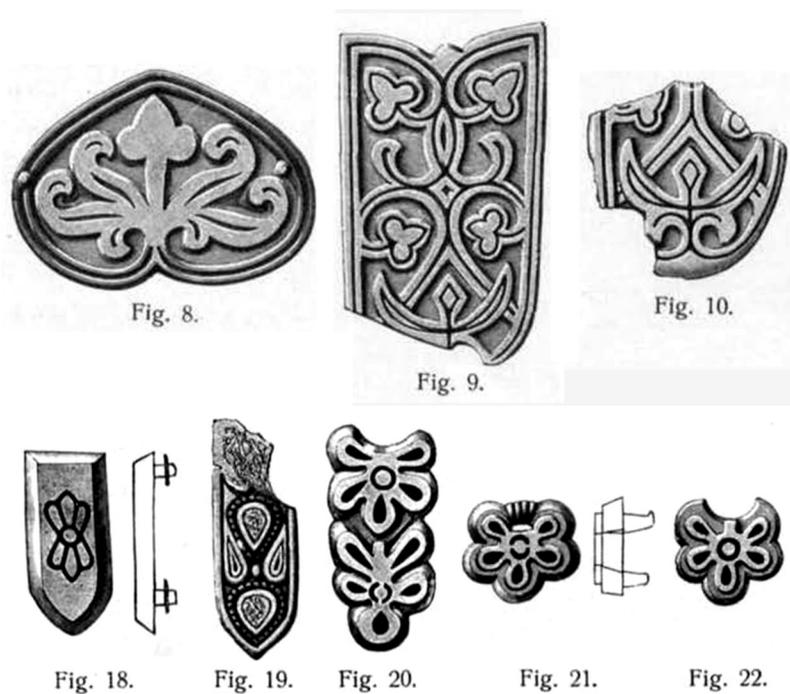

Рис. 14, 15. Прорисовка ременного набора из кургана 6 (Дано по: Arne 1918. Fig 8–10).
Прорисовка ременного набора из кургана 18 (Дано по: Arne 1918. Fig 18–22)

Рис. 16. Погребальный инвентарь из кургана 18. Собрание МАЭ. 1–50 — ременные бляшки; 51–55 — ременные наконечники; 56, 60 — обоймицы; 57 — пуговица; 58 — височное кольцо (?); 59 — ременное кольцо; 61 — черенок ножа; 62 — шип; 63 — наконечник стрелы.
1–60 — сплав на основе меди; 61–63 — железо

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

8 Декабря 1912 г.
№ 2363

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

Удостоверение

Имен. Агс. Кемм. сими удосто-
влет, Ч. доп. Мурт Ивановъ
в Архе, состоящей Консерваторъ
Строительного Института музея,

~~и нарядные просят~~ командиром
т. е. ~~т. е.~~ Архе в Архе
и Архе ~~и~~ Архе ~~и~~ Архе

и Архе ~~и~~ Архе ~~и~~ Архе
~~и~~ Архе ~~и~~ Архе ~~и~~ Архе
~~и~~ Архе ~~и~~ Архе ~~и~~ Архе

Получилъ:

Мурт Ивановъ
Архе

Подписалъ Предсѣдатель Коммисіи Гр. А. Бобринской.

Скрѣпилъ и Вѣрно:

Дѣлопроизводитель И. С. Туринъ

Рис. 17. Черновик Удостоверения, выданного Т. Арне
Императорской Археологической комиссией.
РА НА ИИМК РАН Ф. 1. 1912. Д. 6. Л. 168